

Виктор Вахштайн

Дело О ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Виктор Семенович Вахштайн
Дело о повседневности
Серия «Nota Bene»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12117815

Дело о повседневности: Центр гуманитарных инициатив; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-98712-550-2

Аннотация

Повседневный мир – это сфера рабочей рутины, разговоров с друзьями и чтения новостей. Социология изучает то, как события повседневности сцепляются друг с другом, образуя естественный социальный порядок. Однако повседневный мир современного человека уже не так стабилен и устойчив, как привыкли думать социологи: возрастающая мобильность, экспансия гаджетов, смешение далекого и близкого, привычного и чуждого, заставляют исследователей искать ответы на пересечении разных миров – повседневности, искусства, техники, науки и права. Чтобы заново поставить вопрос о природе естественного социального порядка, автор «Дела о повседневности» переносит читателей в зал суда, используя в качестве иллюстративного материала судебные прецеденты разных стран и разных эпох.

Виктор Вахштайн – профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук, декан философско-социологического факультета РАНХиГС при Президенте РФ, почетный сотрудник Университета Манчестера.

Содержание

Введение	5
Убийство Эдварда Драммонда и теория множественных миров	7
Философия биткоина	12
«Дело Дон Кихота»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Вахштайн

Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах

© Вахштайн В., 2015

© Центр гуманитарных инициатив, 2015

* * *

Введение

Почтенная философская традиция, укорененная в истории идей, учит нас мыслить идеи как «вещи», обладающие собственным весом, функциями и силой инерции. Недавнее теоретическое решение, связанное с именами Б. Латура и Д. Маккензи¹, опирается на образ идеи как «действующего лица» (актанта), наделенного властью, интенцией и способностью вступать в коалиции с другими действующими лицами – людьми и материальными объектами. Таковы крайние точки континуума. Между ними лежит представление об идеях как о шахматных фигурах, сила и ценность которых целиком зависит от их положения на доске. Они действуют: перемещаются, ограничивают возможности других фигур, нейтрализуют, защищают или выводят их из игры. Ими движут великие теоретики, которые, несмотря на свое величие, неспособны произвольным образом менять их *modus operandi*.

Эта книга – исследование одной такой идеи, прошедшей путь от смутной литературной интуиции до мощной философской, социологической и, как ни странно, юридической фигуры.

Многим из нас знакомо чувство избирательного сходства между событиями повседневной жизни, сновидения, художественного произведения или грёзы. Мы узнаем одно в другом: знакомого человека – в приснившемся животном, предмет собственных мучительных раздумий – в сюжете книги, воображаемую ситуацию – в ситуации реальной. Отсюда один шаг до представления о мире как о совокупности упорядоченных и некоторым образом связанных друг с другом реальностей, лишь одна из которых – реальность нашей повседневной жизни. Эти миры нельзя однозначно разделить на «субъективные» и «объективные». Насколько «субъективен» мир Дон Кихота? Мир Сервантеса? Мир читателей Сервантеса? Хотя мы можем пытаться упорядочить эти миры по степени их реальности, сегодня известны целые страны, в которых вымышленные события из репортажей СМИ обладают большей действительностью, чем события повседневной рутины граждан. Миры фантастического произведения, театральной постановки, теоретической конструкции, повседневной жизни и сновидения – суть самостоятельные «регионы», более или менее автономные друг от друга.

Эта интуиция закрепились в философии благодаря Уильяму Джеймсу² и получила название «теории множественных миров». Еще раньше этой интуицией руководствовались английские судьи, формулируя известные «Правила Макнотена», о которых будет рассказано далее. (Когда-то именно судебная практика была мерилom философской и социологической теории: конкурирующие способы мышления о социальном мире проходили апробацию не в полевых исследованиях, а в судах. Используя в качестве иллюстративного материала судебные прецеденты разных стран и разных эпох, мы ненадолго вернемся к этой модели обоснования.) На доску социологической теории идею множественных миров поставил создатель феноменологической социологии Альфред Шюц. Там она оказалась в своей сти-

¹ Б. Латур (р. 1947) – один из самых известных современных социологов, создатель акторно-сетевой теории (ANT), Д. Маккензи (р. 1950) – представитель «эдинбургской школы» социологии, создатель родственной ANT теории перформативности. Труды обоих авторов были посвящены осмыслению хрупкости и условности границ между «миром вещей», «миром идей» и «миром людей». У Латура и Маккензи не только вещи действуют в социальном мире наравне с людьми, но и идеальные сущности – такие как формулы, модели и метафоры – способны к самостоятельному действию. См. *Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. *MacKenzie D. An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2006.

² У. Джеймс (1842–1910) – классик психологической теории, автор функционалистской психологии и один из ярких представителей философии прагматизма.

хии и немедленно атаковала привычную социологам теорию социального действия. Дальше последовала серия атак и контратак, хитроумных теоретических комбинаций и маневров. В руках таких гроссмейстеров как Ирвинг Гофман, Людвиг Витгенштейн, Джон Серль, Никлас Луман, Джон Ло эта идея приводила к рождению новых теоретических комбинаций и нейтрализации старых, попутно трансформируясь до неузнаваемости.

Наше исследование – попытка реконструкции сыгранных с ее помощью партий.

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не усилия нескольких людей. Я бы хотел отдельно поблагодарить Л. Г. Ионина, чья работа «Социология культуры»³, прочитанная мною на первых курсах провинциального психфака, подтолкнула меня к переходу в лагерь социологической теории. Когда полгода назад Леонид Григорьевич предложил мне сделать перерыв в бесконечной череде исследовательских проектов и изложить на доступном языке интересующие меня проблемы социологии повседневности, я немедленно последовал его совету. (Насколько это удалось – судить читателю.)

Вторая благодарность – В. А. Мау и С. Г. Синельникову. Благодаря научно-исследовательскому проекту РАНХиГС «Метафорические и метонимические стратегии социологического теоретизирования» я сумел вырваться из колеса сбора-обработки-анализа-презентации эмпирических данных и вернуться в библиотеку. Это академическое возвращение осталось бы несбыточной мечтой без дружеской административно-политической поддержки Сергея Зуева и Ирины Ронжиной.

Отдельная благодарность – всем студентам и выпускникам Российско-Британской магистратуры МВШСЭН, участвовавшим в «Шанинских школах» последних лет. Большая часть изложенных здесь идей – результат наших семинаров по аналитическому чтению теоретических текстов. Не имея возможности перечислить всех, поблагодарю только двух самых закаленных бойцов этого невидимого исследовательского фронта: Павла Степанцова и Ксению Ткачеву.

Если бы не проект «Постнаука», предложивший уникальный формат для доступного изложения научных идей, я никогда бы не ступил на скользкую тропу популяризации. Потому отдельная благодарность – Ивару Максutowу и Анне Козыревской.

Наконец, без редакторских усилий замечательного антрополога Дарьи Димке эта книга осталась бы нагромождением фактических, стилистических и грамматических ошибок.

И, конечно, неизменная признательность моему учителю – А. Ф. Филиппову.

³ Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Издательский дом ГУВШЭ, 2004.

Убийство Эдварда Драммонда и теория множественных миров

Днем 20-го января 1843-го года пятидесятилетний государственный служащий покинул апартаменты премьер-министра Великобритании Роберта Пиля в Уайтхолле и направился по Даунинг-стрит в сторону вокзала Чаринг-Кросс. Подошедший к нему сзади неброско одетый мужчина вытащил из кармана однозарядный пистолет и практически в упор выстрелил ему в спину. Констебль лондонской полиции, ставший свидетелем происшедшего, немедленно обезоружил стрелявшего. Жертвой оказался Эдвард Драммонд – личный секретарь премьер-министра; стрелявшим – Даниэль Макнотен, бывший владелец небольшого деревообрабатывающего предприятия в Глазго, за несколько лет до покушения продавший свой бизнес. Как выяснилось впоследствии, Макнотен был одержим манией преследования: ему казалось, что правящая партия консерваторов объявила ему войну, регулярно подсылает шпионов и практически довела его до разорения. Он всего лишь решил нанести упреждающий удар, выстрелить первым. Жертвой должен был стать не Драммонд, а сам премьер-министр Роберт Пиль.

Эдварду Драммонду была оказана помощь, рана не выглядела тяжелой и все лондонские газеты уже писали о его успешном выздоровлении, когда, неожиданно, открылось внутреннее кровотечение. Секретарь Пиля скончался через пять дней после выстрела.

Даниэль Макнотен предстал перед судом, где сообщил о преследованиях со стороны тори. Медицинское заключение диагностировало несомненное психическое расстройство параноидного типа. Обвинение стремилось доказать, что «несмотря на частичное помутнение сознания, обвиняемый все же действовал как сознательный и ответственный субъект, понимал последствия своих действий, а потому должен понести заслуженное наказание». Защитник – известный всему Лондону блестящий юрист Александр Кокберн (которому прерство мешала получить только королева Виктория, не одобрявшая его чрезмерного увлечения женским полом) – настаивал на том, что подсудимый «не контролировал свои действия, а потому не может нести за них ответственность»⁴. После недолгого совещания присяжные согласились с доводами Кокберна. Даниэль Макнотен был признан невиновным на основании помешательства. Его препроводили в психиатрическую лечебницу, где он и скончался двадцать два года спустя.

Однако история на этом не заканчивается.

Взбужденная громким происшествием Палата лордов потребовала от специально созданной комиссии судей ответить на несколько «гипотетических вопросов». А именно: сформулировать ряд четких критериев, по которым подсудимый может быть признанным ответственным за свои действия, даже если страдает от помутнения рассудка. Ответы, данные судьями, вошли в историю как «правила Макнотена» и очень быстро из предмета юридического спора стали источником новых литературных, философских, психологических и социологических прозрений.

Мы все отчасти знакомы с «правилами Макнотена» по фильмам, где в ходе судебного заседания представители защиты или обвинения произносят фразу «...он был неспособен отличить добро от зла и не понимал последствий своих действий». Это – второе правило Макнотена. Один из вопросов, заданных лордами, звучал так: «Если человек под влиянием болезненно-бредового восприятия фактов действительности совершает преступление с тяжелыми последствиями, то освобождает ли его это от юридической ответственности?».

⁴ Donnelly R., Goldstein J., Schwartz R. Criminal Law. NY.: The Free Press, 1962.

Судьи ответили на него следующим образом: «...при том же допущении, какое мы сделали раньше, а именно, что спорное лицо обладает лишь частичным, выборочным искажением восприятия, а в других отношениях здраво, мы полагаем, о его ответственности следует судить, разбирая его поступки в такой ситуации, как если бы факты, в отношении которых наблюдается болезненное заблуждение, существовали реально („...he must be considered in the same situation as to responsibility as if the facts with respect to which the delusion exists were real“). Например, если под влиянием заблуждения это лицо полагает, будто на его жизнь покушается другой человек и убивает такого человека, как оно убеждено, в целях самозащиты – убийца может быть освобожден от наказания. Если же его заблуждение состояло в том, что покойный якобы причинил серьезный вред его репутации и благосостоянию, и он убил этого человека в отместку за такой предполагаемый вред, убийца подлежит наказанию»⁵.

Макнотен был оправдан до того, как правила, названные его именем, стали общим местом судебной практики. Оправдан, потому что по утверждению его адвоката «не мог контролировать свои действия». Был бы он оправдан по новым правилам? Конечно, история не знает сослагательного наклонения. Адвокату Кокберну пришлось бы доказывать, что Макнотен – в момент совершения преступления – находился в иллюзорном мире, созданном его болезненным воображением. И в этом воображаемом мире на него велась безжалостная политическая охота, вынудившая его действовать из соображений самозащиты, покушаясь на главный источник опасности. Если бы Макнотен – находясь в таком же точно состоянии – выстрелил в Драммонда, чтобы «передать послание Пилю», его следовало бы осудить на казнь. Поскольку тогда это уже не было бы самозащитой даже в мире безумия. Впрочем, многие современные юристы полагают, что по «правилам Макнотена» Макнотена бы все равно осудили – поскольку в момент совершения преступления непосредственной угрозы его жизни не было даже в мире параноидальных иллюзий.⁶

Правила Макнотена до сих пор остаются уникальным прецедентом и практическим руководством для юристов. Если человек, живущий в мире безумия, полагает себя агентом секретной службы, которому поручено устранить вражеского шпиона, он – за совершенное им убийство – подлежит принудительному лечению. Если же человек, страдающий психическим расстройством, убивает своего соседа из-за того, что у того, якобы, роман с его женой, он должен быть признан виновным в убийстве.

Английские судьи тем самым признали, что мир безумия является миром *sui generis*, «структурно подобным» миру здравого смысла, и его обстоятельства имеют решающее значение для вынесения вердикта.

Но что значит «структурно подобным»? И что имеет решающее значение: структурное подобие миров или их суверенность, независимость друг от друга?

Спустя полстолетия после выстрела на Даунингстрит в Гарварде была издана книга Уильяма Джеймса «Принципы психологии» (1890) – работа, которой было суждено изменить весь облик психологии XX века. Двадцать первая глава этой книги называется «Восприятие реальности», вплоть до сегодняшнего дня она известна социологам чуть лучше, чем психологам. В ней Джеймс впервые обосновал тезис о множественности относительно автономных (но подобных друг другу) миров, предложив попутно их первичную классификацию. У Джеймса таких миров насчитывается семь:

«1) Мир ощущений или физических „вещей“, постигаемых инстинктивно и обладающих такими качествами, как теплота, цвет и звук и такими „силами“, как жизнь, химическое сродство, тяготение, электричество.

⁵ Там же.

⁶ Molan M. T., Molan M., Bloy D., Lanser D. Modern criminal law (5 ed). London: Routledge, 2003.

2) Мир науки или физических вещей, постигаемых ученым и лишенных вторичных качеств и „сил“ (в общепринятом смысле), в котором реальны только твердые тела, жидкости и „законы“ их движения.

3) Мир идеальных связей или абстрактных истин, принимаемых на веру или могущих быть принятыми на веру всеми и выражаемых в форме логических, математических, метафизических, этических или эстетических утверждений.

4) Мир „идолов племени“, иллюзий или предрассудков, общих для определенного народа. Все образованные люди признают их в качестве одной из „под-вселенных“. Например, к этому миру принадлежит вращение неба вокруг земли. Это вращение не признается ни в одном другом мире, но как „идол племени“ оно реально существует. Для некоторых философов „материя“ существует только как идол племени. В науке таким „идолом племени“ являются „вторичные качества“ материи.

5) Различные сверхъестественные миры: христианские рай и ад, мир индуистской мифологии и т. д. Каждый из них является непротиворечивой системой, между частями которой имеются определенные связи. Например, трезубец Нептуна не обладает никакой реальностью в христианском раю, но в пределах классического Олимпа некоторые его свойства истинны, вне зависимости от присутствия или отсутствия веры в реальность классической мифологии в целом. В один ряд с этими мирами религиозной веры можно поставить множество преднамеренно выдуманных миров – мир „Илиады“, мир „Короля Лира“, мир „Записок Пиквикского клуба“ и т. п.

6) Различные миры индивидуальных мнений, которых столько же, сколько людей.

7) Миры чистого безумия и помешательства, тоже бесконечно разнообразные». ⁷

Эта классификация напоминает знаменитую классификацию животных Х. Л. Борхеса, в которой животные, принадлежащие императору, соседствуют с животными, разбившими цветочную вазу, или нарисованными тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти (в свете этого, любовь Борхеса к философии Джеймса кажется неслучайной). ⁸ Однако Джеймс детально анализирует то общее, что свойственно нашему восприятию реальности в каждом из миров: будь то «верховная реальность» мира физических вещей или реальность мира безумия. Главное их свойство – непротиворечивость. Все эти миры – здравого смысла, науки, литературы или безумия – блокируют сомнение в их собственной реальности до тех пор, пока вы находитесь «внутри». Вы не сомневаетесь в реальности стула, на котором сидите. Дон Кихот не сомневается в реальности великанов. Физик не сомневается в реальности атомов. Это не значит, что в атомах, великанах и стульях нельзя усомниться – это лишь значит, что в них нельзя усомниться, пока вы находитесь в их мире (здравого смысла, безумия или физики).

В каком отношении миры находятся друг к другу? Являются ли они «суверенными государствами» со своими собственными законами и лишь им одним присущей внутренней логикой? Могут ли миры пересекаться и накладываться друг на друга? Есть ли среди них «метрополии» и «колонии»?

Все эти вопросы составляют часть «джеймсовской проблемы» (которая возникает лишь тогда, когда мы – вслед за английскими судьями – признаем тезис о множественности миров и их относительном подобии друг другу). Развитие феноменологии в рабо-

⁷ Джеймс У. Глава Восприятие реальности / Пер. с англ. А. Корбута // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 223–224.

⁸ Напомним, что согласно этой классификации животные делятся на «а) принадлежащих Императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включённых в эту классификацию, и) бегающих как сумасшедшие, к) бесчисленных, л) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, м) прочих, н) разбивших цветочную вазу, о) похожих издали на мух». Борхес Х. Л. Аналитический язык Джона Уилкинса / Пер. с исп. Е. Лысенко // Проза разных лет: Сборник. М.: Радуга. 1989. С. 218.

тах Эдмунда Гуссерля⁹ придало «джеймсовской проблеме» особое звучание. Ученик Гуссерля, создатель феноменологической социологии Альфред Шюц, переносит эту проблему в социологию: как устроено наше сосуществование с другими в каждом из миров?

Работа Шюца «О множественности реальностей»¹⁰ – это Ветхий завет социологии повседневности. Прежде всего, потому что для мира повседневности Шюц (вслед за Джеймсом) резервирует особое, привилегированное место. Мир здравого смысла – «верховная реальность». За ним следуют (по степени убывания реальности) воображаемые миры искусства, всевозможных фантазий, игры, научной теории, религиозного переживания и, наконец, сновидения. Каждый мир, по Шюцу, обладает своим «когнитивным стилем»: способом блокировки сомнения в чем-либо, способом действия, способом переживания своего «Я», способом отношения с другими людьми, способом восприятия времени. Скрепляет их все особое «напряжение внимания к жизни» (термин Анри Бергсона¹¹) – оно максимально в мире повседневности и минимально в мире сновидения.

Две главные аксиомы феноменологической социологии таковы:

а) миры замкнуты, переход из одного мира в другой (когда поднимается театральный занавес, когда обрывается сновидение, когда приходит переживание религиозного экстаза и т. п.) сопровождаются «шоком» или «скачком» (этот термин Шюц заимствует у С. Кьеркегора¹²);

б) миры неравноценны – все они являются «колониями» мира повседневности, от которого происходят. Именно этим объясняется их структурное подобие.

Первый тезис у Шюца существеннее второго – миры суверенны. Поэтому шюцевское решение «джеймсовской проблемы» означает буквально следующее: повседневность – это повседневность, игра – это игра, сон – это сон, а безумие – это безумие. Не существует никакой «формулы трансформации» содержаний одного мира в содержания другого, а значит, человека, находящегося в мире безумия, нельзя судить по законам мира здравого смысла. Суверенитет миров важнее их «структурного родства» (на котором акцентировал внимание Джеймс). Впрочем, мы еще не раз вернемся к этому вопросу.

Сегодня «джеймсовская проблема» снова заставляет философов и социологов обращаться за примерами к судебной практике. Например, к возбуждению дела против создателей масштабного сетевого проекта «Second Life» в июне 2007 г. «Second Life» – одна из самых популярных в прошлом трехмерных онлайн-вселенных. Уже к началу 2008 г. в игре было зарегистрировано более 10 млн. участников. По сути, речь идет о строительстве в виртуальном мире своего рода утопического государства. Но с реальными деньгами – заработанные во «Второй жизни» линден-доллары легко обменять на наличность. (И наоборот, соответственно.) Именно данное обстоятельство позволило ФБР начать уголовное преследование создателей игры за «открытие игорных домов» – поскольку на виртуальной территории «Второй жизни» участники могли потратить свои виртуальные сбережения не только в виртуальных магазинах и виртуальных ресторанах, но и в виртуальных казино.¹³

⁹ Э. Гуссерль (1859–1938) – выдающийся немецкий философ, основатель феноменологического направления.

¹⁰ Шюц А. О множественности реальностей / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

¹¹ А. Бергсон (1859–1941) – французский философ, представитель философии интуитивизма, чья концепция времени оказала сильное влияние на феноменологическую социологию.

¹² С. Кьеркегор (1813–1855) – датский философ религии и теолог, представитель направления религиозного экзистенциализма.

¹³ См.: <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2007/07/26/260393>

Признав, что игрок, находясь в воображаемом мире компьютерной игры, должен руководствоваться правилами мира реального (например, «не играть в азартные игры», которые запрещены на большей части территории США), американские власти вернулись к «правилам Макнотена». Их вопрос одновременно напоминает вопросы Палаты лордов к коллегии судей и сюжет фильма «Начало»: если казино находится не в реальном, а в виртуальном мире, остается ли оно при этом игорным домом? Что важнее: то, что это «игра» или то, что это «игра в игре»? Если для нас централен тезис о структурном подобии миров (Джеймс), то казино в «Second Life» следует запретить, если более значим тезис об их суверенитете (Шюц) – на мир компьютерной игры не должны распространяться законы США, также как они не распространяются на мир сна или литературы. Если Шюц неправ, то вслед за иском ФБР к Linden Lab Corp. (создателям «Второй жизни») должен последовать иск возмущенных фанатов саги «Песнь льда и пламени» к писателю Джорджу Мартину за убийство единственного положительного персонажа – Эддарда Старка.

Во избежание неприятностей хозяева иллюзорного мира закрыли все сомнительные заведения (чем нанесли существенный урон экономике своей вселенной). Это, впрочем, не спасло их от обвинений «в создании благоприятных условий для пропаганды терроризма и организации преступных сообществ».

Следующий вопрос: как различить «авторские миры» и «миры нерукотворные»? Сновидение или безумие, предположительно, не являются «авторскими проектами». Тогда как мир «Второй жизни» имеет вполне конкретного творца и создателя – Корпорацию Линден-Лаб. Значит ли это, что между этим миром и миром безумия нет разницы? Для Джеймса и Шюца – при всех их разногласиях – нет. А, следовательно, невозможно установить меру ответственности демиурга (как невозможно установить меру ответственности Б-га за совершаемое людьми).

Чтобы ввести в теоретическую логику фигуру «творца реальности» социологам потребовалось отказаться от обеих аксиом Джеймса-Шюца: миры больше не замкнуты и повседневность больше не занимает среди них особого привилегированного места. Такое теоретическое решение (принадлежащее Ирвингу Гофману) отнюдь не просто далось социологической теории. Но прежде, чем мы рассмотрим его следствия, давайте обратимся к совсем свежему прецеденту, который вновь напомнил миру об актуальности джеймсовской проблемы.

Философия биткоина

Всем, кто читал «Криптономикон» Нила Стивенсона¹⁴, знаком сюжет: группа программистов-математиков пытается создать первую в мире криптовалюту (полностью электронные деньги, защищенные самыми современными методами криптографии), сталкиваясь с сопротивлением мировых правительств и крупных бизнес-игроков. Роман был написан в 1999 г., а первая криптовалюта – биткойны – появилась десять лет спустя, в 2009-м, хотя основные принципы ее распространения были изложены за год до этого в манифесте теоретиков электронных денег.

Один из любопытных вопросов: считать ли биткойны разновидностью виртуальной валюты (как полагают в ФБР и Всемирном банке), независимой частной валютой (как полагает министерство финансов ФРГ) или абсолютно новым, уникальным платежным средством (как полагают их создатели)? Само существование такого рода платежных средств заставляет задуматься экономистов, социологов и философов. История с биткойнами встраивается сразу в несколько долгоиграющих теоретических сюжетов. Первый сюжет: о «платоновском» характере денег. Если деньги представляют собой абсолютно пустую чистую форму, то их главное качество – это их количество. Неважно, выиграны ли они в карты или получены от Джорджа Сороса, лежат ли они на карточке, представляют собой грудку мелочи в свинье-копилке или цифру на мониторе. В конечном итоге, деньги оказываются почти платоновскими сущностями, обитающими в идеальном мире экономических отношений (заклученными в платоновскую же пирамиду денежных агрегатов), а все их конкретные проявления – купюры, монеты, расписки и чеки – не более чем знаки, отсылки, метки состояний. Пока за этими метками стояла не только платоновская сущность денег, но и вполне материальный золотой запас, их посюсторонняя реальность была куда более очевидна. С конца 70-х годов мировая система вступила в фазу развитого постмодернизма (чему в немалой степени способствовали действия самого непостмодернистского политика XX века – Шарля де Голля). Ямайская система 1976–1978 гг.¹⁵ «виртуализировала» деньги куда сильнее, чем создатели биткойнов. В 70-е годы прошлого века деньги (как и остальные фундаментальные знаки) утратили свой последний якорь в осязаемом мире, распространение виртуальных и криптовалют – просто еще один шаг в избавлении денег от материальных «якорей» и, соответственно, от избыточного контроля.

Второй сюжет: о «множественных» деньгах. Действительно ли одна и та же сумма, полученная на чай, выигранная в казино или заработанная на росте курса биткойнов, является одной и той же суммой? В платоновском мире – да, одной и той же. Ход в шахматной партии остается тождественен сам себе, независимо от партийной принадлежности игрока или наличия у него Эдипова комплекса. Но мы не живем в платоновском мире. Исследования Вивианы Зелизер¹⁶ показали, что деньги не свободны от шлейфа своего социального происхождения: проститутка жертвует на нужды церкви не из тех денег, которые она зарабаты-

¹⁴ Стивенсон Н. Криптономикон. М.: АСТ, 2004.

¹⁵ По итогам Бреттон-Вудского соглашения (1944) доллар стал мировой валютой, чья стоимость обеспечивалась американским золотым запасом (по цене 35 долл. за тройскую унцию). После того как в 1965 г. Шарль де Голль, в соответствии с этим соглашением, потребовал обменять полтора миллиардов долларов на «реальное золото из Форт-Нокса», Бреттон-Вудская модель пошатнулась. В 1971 г. президент Никсон отказался от золотого обеспечения доллара, возникла Ямайская валютная система, полностью «отвязанная» от золотых запасов, основанная исключительно на свободной конвертации валют.

¹⁶ Зелизер В. Социальное значение денег. Деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы / Пер. с англ. А. В. Смирнова, М. С. Добряковой; под научной редакцией В. В. Радаева. М.: Дом интеллектуальной книги; Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.

вает ночью, а из тех, которые она получает легально, подрабатывая днем в прачечной. «Грязные» деньги тратятся на развлечения. «Легкие» (например, выигранные) деньги тратятся легче. Наконец, все мы знаем, что деньги с карточки уходят быстрее – просто потому что их «не видно».¹⁷ Человек, заказавший в 2010 г. две пиццы за 10 000 биткоинов (40–50 долл. тогда и около 5 000 000 долл. сейчас), не выбирал между наличествующими пятьюдесятью долларами и возможными пятью миллионами – он выбирал между цифрами на мониторе и пиццей «с луком, сосисками, грибами, помидорами, но без всяких нелепых вещей вроде рыбной верхушки».¹⁸ Поэтому он и переплатил даже по курсу 2010-го: вряд ли бы он согласился отдать за две пиццы пятьдесят баксов наличностью.

Третий сюжет – «зиммелевская проблема» – в каком-то смысле представляет собой сиквел первых двух сюжетов. Говоря о множественных деньгах, социологи имеют в виду именно социальную множественность:

- «деньги по-разному обозначаются в зависимости от источников их получения;
- деньги разнятся в зависимости от того, кем они используются;
- деньги различаются в зависимости от своего целевого предназначения»¹⁹.

Однако различаются ли они по своей материальной форме? Иными словами, представляют ли собой купюры «другие» деньги, нежели монеты? Эконом-социологи не на жизнь, а на смерть бьются с экономистами-платониками, но с подозрением относятся к такой неожиданной союзнице как социология вещей. Одно дело доказать, что деньги – это не чисто экономический феномен, а социальный конструкт, и что социальное происхождение радикально отличает сто фунтов, выигранные аристократом на скачках, от ста фунтов, заработанных чернорабочим за месяц. И совсем другое – доказывать, что деньги – совокупность объектов с разным онтологическим статусом. Следовательно, сто фунтов одной бумажкой – не то же самое, что сто фунтов в монетах по пенни и, тем более, не то же самое, что сто фунтов в «Мастер-Банке». Мы еще можем признать, что ход шахматиста – это не чистый «платонический» шахматный ход, сделанный в трансцендентном мире стратегии и тактики, что в нем всегда (в виде «осадка» или даже в качестве основного содержания) присутствует политическая принадлежность игрока и его социальное происхождение. Но допустить, что один и тот же ход, сделанный на деревянной доске, в компьютерной программе или по телефону – это на самом деле разные ходы? Что материальность означающего определяет специфику означаемого? Экономсоциологи разделяют со своими оппонентами общую установку: материальность денежного «носителя» – не самое релевантное свойство для анализа.

Любопытное опровержение этого тезиса можно найти в классической работе Георга Зиммеля «Философия денег».²⁰ Введение в Европе мелкой монеты необратимо сказалось на характере европейского человека – появился Человек Калькулирующий. До тех пор, пока в ходу были только золотые и серебряные монеты (а повседневные транзакции оставались преимущественно бартерными), деньги не могли стать чистой формой – они были «небезразличны» к тому, кто и что на них покупал. Заработав за год золотой, крестьянин шел на ярмарку и обменивал его на лошадь. Монета «коррелировала» с его системой приоритетов и с характером его труда, допуская только крупные, экзистенциально значимые покупки. Появление мелочи радикально изменило характер обмена и накопления – деньги эволюционировали в направлении «чистой формы рациональности, независимой от содержания».

¹⁷ Радаев В. В. Предисловие научного редактора // Зелизер В. Указ соч. С. 6–25.

¹⁸ Описание прецедента см.: <http://www.siliconrus.com/2013/11/million-dollar-pizza/>

¹⁹ Радаев В. В. Указ соч. С. 16.

²⁰ Simmel G. The Philosophy of Money. London; New York: Routledge, 2004.

(Любопытно, что две другие чистые формы, которые Зиммель считает родственными деньгам: проституция и интеллект). Для Зиммеля очевиден тот факт, что материальная форма денег имеет значение и последствия. Их все большая виртуализация – часть процесса становления нового (пост-рационального?) человека. Распространение криптовалюты – которая «отвязана» не только от характера покупателя, продавца или товара, но и от характера государств или банков-эмитентов, просто потому что биткойны эмитируются самими «игроками» без государственного, банковского или корпоративного контроля – может стать последним этапом описанной Зиммелем эволюции.

От Карла Маркса и современных экономистов мы знаем, что материальная форма денег утрачивает свое значение по мере развития денежных отношений. Их эволюция – это движение от материальных объектов к абстрактным цифрам. «Деньги – произвольный знак, который изобретается и замещает другие знаки, – пишет психолог Серж Московичи. – Никакая иерархия не определяет их отношений, и в зависимости от обстоятельств употребляют бумажные деньги, векселя, чеки, кредитные карточки, магнитную ленту. Будь то банкноты или счета, ни их название не имеет значения, ни то, из чего они сделаны».²¹ Однако повседневные действия сцеплены друг с другом и опосредованы материальными объектами. На улице европейского города вы покупаете новый кошелек. Он слишком «квадратный» (под евро) и не помещается в предназначенный для него карман. Вы кладете его в другое место и каждый раз вздрагиваете, не находя его там, где привыкли. В другой стране вы быстро обнаруживаете, что карманы стремительно наполняются мелочью. Потому что, расплачиваясь, вы протягиваете банкноту чуть большего номинала, чем надо – на всякий случай. И сдача все чаще приходит к вам в виде тяжелых железных дисков.

Материальность денег перестает интересовать исследователя, только если он смотрит на них как экономист, свысока. Но для социолога повседневности такое абстрактное понятие – непозволительная роскошь. Потому что бумажные купюры, железные монеты и пластиковые карточки формируют наши коммуникации. Повседневность регулярно напоминает нам: деньги материальны. Поэтому мелочь оттягивает карман и звякает при ходьбе. «Избавляться от мелочи» становится новым видом спорта. И попробуйте как-нибудь дать официанту на чай горсть 50-копеечных монет. Даже если горсть будет очень большой, именно форма денег переведет коммуникацию из формата «чаевые» в формат «милостыня».

Забавно, что в последние годы возникают новые технологические средства, главная задача которых – вновь сделать деньги материальными, видимыми и осязаемыми. Например, специалисты из MIT Media Lab разработали кошелек, который точно знает, сколько денег на вашем счету в банке.²² В конце месяца, когда расходимая сумма стремительно убывает, кошелек уже не просто вибрирует при каждой транзакции – его становится физически трудно открыть. Он всячески сопротивляется вашим попыткам вытащить из него карточку.

Так, неожиданно, эволюция технической инфраструктуры, обеспечивающей наше взаимодействие с собственными деньгами, описывает петлю. Представьте, что вы живете в мире без банков, ссудных контор и векселей, а весь ваш капитал – несколько золотых монет. Вам нужно переехать из одного города в другой. Банков в нашем воображаемом мире еще нет; деньги лежат в кошельке на поясе и, останавливаясь на ночь на постоялом дворе, вы пересчитываете их перед сном. Вы точно знаете, сколько у вас денег, точно знаете, где они, ощущаете их вес, можете их тратить, но не можете поручиться за их безопасность. Это то, что в социологии техники называется прочной «сцепкой» (entanglement).²³ Пропу-

²¹ Московичи С. Машина, творящая богов / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой, Г. Г. Дилигенского. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 408.

²² Подробное описание инновации MIT Lab можно найти здесь: <http://consumerist.com/2010/12/07/smart-wallets-react-to-electronic-spending-by-refusing-to-open/>

²³ Латур Б. Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнов; под ред. В. Вахштайна // Социологическое обозрение.

стим несколько этапов развития банковской системы и сразу перейдем к пластиковым карточкам – гениальной технологии «расцепления» (disentanglement), кстати, впервые описанной в утопическом романе Эдварда Беллами.²⁴ Деньги, предположительно, в безопасности (если вы доверяете банкам), но уже никто точно не может сказать, «где» именно они находятся. Чтобы «пересчитать» их, вам понадобится еще ряд посредников – банкомат, отделение банка или телефон с подключенной услугой SMS-банкинга. Это слабая «сцепка». Благодаря «расцеплению» между вами и вашими деньгами выстраивается длинная цепочка технических посредников: от пластиковой карты до телефона. Деньги с карточки уходят гораздо быстрее, вы не чувствуете их материальности. Деньги больше ничего не весят. (А то, что весит – набивающаяся в карманы мелочь – перестает восприниматься как деньги.) И вот появляется кошелек MIT Media Lab. Задача разработчиков: не потеряв достижений цивилизации (прежде всего, безопасности), вернуть прочную средневековую «сцепку», а вместе с ней – материальность и вес денег.

Наконец, четвертый сюжет: коммуникативные миры и проблема конвертируемости. Еще до того, как немецкий социолог Никлас Луман выразил этот тезис в предельно ясной, почти кибернетической форме, социологи догадывались, что деньги есть обобщенное средство коммуникации. Классик нашей дисциплины Талкотт Парсонс выделял в числе подобных генерализованных посредников также власть и ценностные обязательства, Луман прибавил к ним истину для систем науки и любовь для интимных отношений.²⁵ Коммуникация же всегда определенным образом фреймирована (об этом мы поговорим далее): существуют разные коммуникативные миры. Соответственно, в каждом из таких коммуникативных миров – свои деньги. Это можно понимать метафорически (как Луман): «власть – деньги мира политики, истина – деньги мира науки», а можно и буквально.

Например, в виртуальном мире «World of Warcraft» есть свои деньги для покупки оружия и иных полезных в хозяйстве атрибутов; при этом они могут обмениваться по определенному курсу на деньги не виртуального мира. Игровые чаты полны слухов о целых индийских кибер-плантациях, на которых сотни подневольных игроков сутками прокачивают персонажей, чтобы потом продать их американским геймерам. Уже вполне солидные издания предупреждают правительства о том, что через виртуальные миры «WoW» и «Second Life» бесконтрольно перекачиваются миллионы долларов преступных корпораций. Станным образом именно конвертируемость игровых денег в неигровые всегда служила конечным аргументом при ответе на вопрос об онтологическом статусе и реальности того или иного «небуквального мира» (non-literal realm). Например, деньги из «Монополии» не входят в число свободно конвертируемых валют. Напротив, деньги из игры «Second Life» (линден-доллары) конвертируются во все основные валюты по определенному курсу.

Но что если игровые деньги начинают не просто конвертироваться, а приниматься к оплате в повседневных сделках, признаваться перспективным средством накопления и сбережения? Что если бы вы могли заплатить по счету в ресторане деньгами, добытыми в боях «World of Warcraft»? (Для фанатов криптовалюты аналогия абсолютно неуместная, однако вполне оправданная, пока биткоины проходят по ведомству «виртуальных денег».) Наконец, что если в вашем университете не просто откроют новую магистерскую программу «Цифровая валюта», но начнут принимать плату за обучение в биткоинах?²⁶ Это уже не просто признание особой реальности *sui generis* за коммуникативными мирами, которые раньше были

2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.

²⁴ Bellamy E. «Looking Backward: 2000–1887». Boston: Signet, 1960.

²⁵ Луман Н. Невероятность коммуникации / Пер. с нем. А. Л. Ложеницина, под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000.

²⁶ Как делает это сегодня Университет Никосии.

реальны только для своих самых увлеченных фанатов. Это уравнивание в правах и стирание границы между «настоящими» и «ненастоящим» мирами.

Четыре описанных выше сюжета появились в социальной теории задолго до рождения виртуальных и цифровых валют, однако недавний «биткоинный прецедент» позволил взглянуть по-новому на избитые философские вопросы о материальности, реальности, трансцендентности и обратимости. Это не значит, что эмансипация криптовалют (до которой пока еще очень далеко) не ставит новых теоретических проблем. Мы намеренно оставили за скобками все, что интересует в биткоинах их сторонников и противников – вопросы надежности кода, государственного контроля и суверенитета, соотношения рисков и свобод.

В конечном итоге, героям Нила Стивенсона все же потребовалось для создания криптовалюты подобрать ей надежные «посюсторонние» основания в виде суверенного «информационного рая» на вымышленном острове в Тихом океане и мощного золотого запаса (за последнее, кстати, Стивенсон был раскритикован своими же фанатами – кибер-анархистами). Видимо, распространение «анархистских денег» – валют без эмитента – рано или поздно упирается в вопрос о суверенитете; причем, не только суверенитете государств, но и суверенитете виртуальных миров.

Однако вернемся к социологической теории.

«Дело Дон Кихота»

Пример с виртуальными валютами иллюстрирует важный тезис социологии повседневности: больше нет «денег вообще», «вещей вообще» и «действий вообще» – каждый объект, действие или событие должны рассматриваться в контексте того мира, которому они принадлежат. «Обыденный ум, – замечает Уильям Джеймс, – считает все эти подмиры более-менее разрозненными и, имея дело с одним из них, забывает на время о связях с остальными. Истинный философ пытается не только отвести каждому объекту своей мысли надлежащее место в одном из этих подмиров, но и определить связь каждого из подмиров с другими подмирами <...>».²⁷ Будучи примененным к теории денег, этот тезис бросает вызов «латонистской» экономике – деньги суть не идеальные сущности, обитающие в горнем мире финансовых агрегатов, а конкретные материальные и нематериальные объекты, привязанные к подмирам с принципиально различной смысловой организацией. Но когда мы переносим этот тезис в сферу человеческих действий, по ту сторону баррикад оказывается уже не только юридическая практика (одержимая одновременно поиском мотива и установлением объективных обстоятельств совершения преступления), но и классическая социологическая теория. Почему?

На протяжении всей истории нашей дисциплины теория действия находилась на фронтире социологической мысли. Именно здесь выковывались интуиции, которые потом ложились в основу конкретных исследований. Поэтому определение социального действия долгое время оставалось центральным элементом в формуле предмета социологии. С подачи Макса Вебера социологию интересует действие, понимаемое как «...деяние, недеяние или претерпевание, все равно внутреннее или внешнее, если действующий соотносит с ним субъективно полагаемый смысл».²⁸ Социальным же оно становится в том случае, если по своему субъективно полагаемому смыслу ориентировано на другого человека и его действия.

В этой простой формуле есть одна подсказка и одна ловушка.

Подсказка содержится в упоре на «смысл». А ловушка – в предикате «субъективно полагаемый». Макс Вебер, как и добрая половина классиков немецкой социологии, находится под влиянием Баденской школы неокантианства. «Баденцы» же незадолго до появления социологии как науки сумели провести тонкий философский маневр, нацеленный против картезианского дуализма.

Если, согласно Декарту, все вещи делятся на протяженные (*res exstensa*) и мыслимые (*res cogitans*), то и изучение их возможно либо в модусе физики, либо в модусе психологии. Социологии просто не остается места. Неокантианцы Баденской школы расчищают пространство для социологов, «снимая» картезианский дуализм нетривиальным стратегическим ходом: да, есть вещи в пространстве и вещи в психике – но и те, и другие суть *вещи*, они *существуют*, т. е. принадлежат миру бытия. Про них всегда можно сказать «есть / нет». За гранью же мира бытия находится мир ценностей и связывающее два мира пограничное «царство смыслов». Это и есть подлинная реальность предмета социологического познания. Социология намеренно отказывается от изучения «вещей *per se*» и «поведения *per se*», ограничив предмет своего исследования их социальными смыслами. Про смысл (как и про ценность) нельзя сказать, что он «есть или нет». Смысл – не существует, он *значит*. Поэтому социолог должен решительно отвернуться от мира бытия, мира мыслимых

²⁷ Джеймс У. Указ. соч. Сс. 222–223.

²⁸ Вебер М. Основные социологические понятия / Пер с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

и осязаемых вещей (равно как и от мира наблюдаемого человеческого поведения); его дело понять, что эти вещи значат. Данное различие лежит в основании Великого Раскола между «науками о бытии» и «науками о значении».

Здесь, собственно, и возникает веберовская модель социального действия. Действующий выходит за пределы своего наличного бытия, обращается к миру ценностей, находит смысл и воплощает его в конкретном действии. Т. е. само действие – это отражение некоторой ценности «в тусклом и кривом зеркале бытия». Поэтому крестьянин не совершает поступательных движений тяпкой (практический модус), а спасает свою душу в богоугодном труде (ценностный модус), равно как и ученый, предположительно, не максимизирует свой капитал, а ищет истину.²⁹ Подобный выход из мира бытия называется *трансценденцией* и легче всего распознается в ценностно-рациональных действиях, а предельный ее случай выражен в пограничных переживаниях. Таких, например, как переживание князя Андрея Болконского на поле под Аустерлицем.³⁰ (Это сравнение не будет выглядеть притянутым за уши, если вспомнить, что М. Вебер был почитателем таланта Л. Толстого.)

Смысл – категория, позволившая Веберу в первой части своего исследования протестантской этики и духа капитализма различить собственно капиталистическое усилие по максимизации прибыли и «*auri sacra fames*» – презренную страсть к наживе.³¹ В наблюдаемом поведении две эти интенции совпадают: крестьянин-протестант, сутками работающий на пашне и полагающий сверхурочный заработок богоугодным делом, *на практике* мало чем отличается от просто алчного крестьянина, стремящегося заработать больше в период сбора урожая – различие их действий не в практиках, а в модусе осмысленности. Именно поэтому веберовское исследование фокусируется не на имманентных аспектах капитализма и протестантизма (собственно хозяйственных или религиозных практиках), а на смысловом и ценностном компонентах – «духе» и «этике».

Итак, есть мир бытия (сюда попадают все декартовы «вещи»: как протяженные, так и мыслимые), есть мир ценностей (он трансцендентен как вечное небо над полем под Аустерлицем) и есть пограничное, связывающее их царство смыслов. Смысл, по выражению другого «баденца» Генриха Риккерта, есть нечто «независимо противостоящее этому миру». Вебер стоит на тех же позициях: смысл примера на вычитание не содержится в бумаге, на которой этот пример написан (равно как не содержится он и в «психике» решающего его ученика). И психическое, и материальное остаются в мире бытия, тогда как социальное принадлежит царству смыслов, которое данному миру независимо противопоставлено. Когда мальчик решает пример на вычитание, мы должны понять смысл его действия, а не его, мальчика, психическую организацию или физические обстоятельства практики решения примера. Поэтому смысл не психичен и не физичен, он не субъективен и не объективен. Он полагается субъектом, но находится по ту сторону этих разграничений. А, следовательно, нет людей и их действий, есть действия и их люди.

²⁹ Вебер М. Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденок // Вебер М. Указ. соч. С. 707–735.

³⁰ «...„Что это? я падаю? у меня ноги подкашиваются“, подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нему серыми облаками. „Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, я, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..“». Толстой Л. Война и мир. Т. 1. М., 1970. С. 187.

³¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Указ соч. С. 76.

Каноническим же для теории действия стал веберовский пример с действиями велосипедистов:

«Случайное столкновение велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также их возможную „потасовку“ или попытку прийти к мирному „соглашению“, мы уже относим к действиям упомянутого типа». ³² Физические велосипеды и психические представления остаются в декартовом мире бытия. Социолог же должен спросить: как происходило последующее (или предшествующее) полагание смысла этого столкновения. ³³

Но как быть с джеймсовской «верховой реальностью» мира физических объектов и ощущений? По Веберу, ее следует вернуть психологам, а верховной признать реальность субъективно полагаемых смыслов. Что тогда произойдет с миром повседневных рутинных непроблематичных действий? Ничего. Он просто останется за скобками нашего рассмотрения. Вебер неслучайно называет мир повседневности «выхолощенным» – в рутине нет смысла, нет связки с ценностями, а значит – не может быть смысловой ориентации на другого. Кроме того, рутинное действие не «совершается рефлексивно при ясном свете сознания» и потому вообще не является действием.

Веберовское понимание действия предельно «юридично» (не случайно сам он – выдающийся теоретик и историк права). Действие – это что-то, за что можно вменить ответственность действующему.

Но давайте зададим Веберу вопрос: как быть с действием игрока в регби, который проводит удачный обходной маневр? У него, конечно, есть субъективно полагаемый смысл – победа своей команды. Но это не смысл каждой отдельной операции на поле. Решения принимаются спонтанно и зачастую нерелексивно. У игрока просто нет возможности выйти из мира игры и трансцендировать к миру ценностей, поле для игры в регби – не поле под Аустерлицем. Как описывает опыт игры Пьер Бурдьё (кстати, игравший в регби за свою университетскую команду): для игрока мир есть единство настоящего и настоящего. ³⁴ Далее, как быть с правилами? Игрок действует не в чистом поле, его действия упорядочены определенным набором конвенциональных смыслов, которые не являются в полном смысле слова субъективно полагаемыми. Затем, что делать с материальными объектами, без которых сама игра была бы невозможна? Означает ли это, что сфокусировавшись на субъективно полагаемом смысле действия, мы должны полностью вынести их за скобки? И, наконец, как соотносятся действия в игре и действия за ее пределами? Должны ли мы проигнорировать гомологию и избирательное сродство игровых и неигровых действий на том основании, что у них разные субъективно полагаемые смыслы?

³² Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / Пер. с нем. М. И. Левиной // М. Вебер. Указ соч. С. 509.

³³ Современная социология науки и техники в лице Брюно Латура яростно атаковала этот веберовский ход: «Например, если велосипедист, наткнувшись на камень, слетел с велосипеда, – пишет Латур, – обществоведкам нечего сказать по этому поводу. Но стоит вступить на сцену полицейскому, страховому агенту, любовнику или доброму самаритянину, сразу же рождается социологический дискурс, потому что здесь мы получаем ряд общественно значимых событий, а не только каузальную смену явлений. Представители STS (*Science and technology studies, современное направление в социологии науки и техники* – В. В.) не согласны с таким подходом. Они считают социологически интересным и эмпирически возможным анализировать механизм велосипеда, дорожное покрытие, геологию камней, психологию ранений и т. п., не принимая разделение труда между естественными и общественными науками, основанное на дихотомии материи и общества. Несмотря на то, что такая уравновешенность („симметрия“, употребляя профессиональный жаргон) вызывает ожесточенные дискуссии в нашем лагере, все участники STS согласны относительно следующего: общественные науки должны выйти за пределы той сферы, которая до настоящего времени считалась сферой „общественного“. См.: Латур Б. Когда вещи дают отпор / Пер. с фр. О. Столяровой // Социология вещей. Сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 343.

³⁴ Бурдьё П. Практический смысл / Пер с франц. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. М.: СПб.: Алетейя, 2001.

Альфреду Шюцу этих вопросов достаточно, чтобы обвинить Вебера в «недостаточной философской изощренности» (и этот упрек, брошенный банковским юристом и социологом-самоучкой главному наследнику Баденского неокантианства в социальной теории, вошел в историю нашей науки как пример беспрецедентной дерзости). Шюц сперва удаляет из веберовской теории действия нео кантианское понимание смысла и заменяет его феноменологическим, затем – переопределяет веберовскую идею трансценденции, и, наконец, вводит в игру описанную в начале этой книги джеймсовскую теорию множественных миров.³⁵

Так появляется «загадка о Дон Кихоте».

Напомним, обстоятельства преступления Дон Кихота таковы:

«... Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

– Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, – я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли – значит верой и правдой послужить богу.

– Где вы видите великанов? – спросил Санчо Панса.

– Да вон они, с громадными руками, – отвечал его господин. – У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

– Помилуйте, сеньор, – возразил Санчо, – то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, – это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

– Сейчас видно неопытного искателя приключений, – заметил Дон Кихот, – это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

– Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул легкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

– Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарея, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсинеи, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копьё в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что господин его не может, пошевелиться – так тяжело упал он с Росинанта.

³⁵ См. Вахштайн В. С. Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // Социология власти. 2014. № 1. С. 5–9.

– Ах ты, господи! – воскликнул Санчо. – Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее, что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

– Помолчи, друг Санчо, – сказал Дон Кихот. – Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же, я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, дабы лишить меня плодов победы, – так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча». ³⁶

Совершает ли Дон Кихот социальное действие в веберовском смысле слова? Да. Есть субъективно полагаемый смысл и стоящая за ним ценность. Есть ориентация на Другого (причем, и на великанов, и на Дульсинею). Но если предположить, что ущерб мельнице был нанесен, то ответственен ли за него Дон Кихот? Ведь мельницы существуют не в том же мире, что воображаемая Дульсинея (имеющая, конечно, «реальный» прототип) и не менее воображаемые великаны?

Ясно, что предписывают в случае Дон Кихота «правила Макнотена». Необходимо принять во внимание обстоятельства его нападения на воображаемых великанов при вынесении решения о причинении ущерба реальным мельницам. Но Шюц использует более тонкий аргумент, заимствованный у Гуссерля, который «...различает предикации существования (Existenzialprädikationen) и предикации реальности (Wirklichkeitsprädikationen). Противоположностью первых являются предикации несуществования, последних – предикации нереальности, вымысла. Исследуя „происхождение“ предикаций реальности Гуссерль заключает: „При естественной установке сначала (до рефлексии) нет предиката ‘реальный’ и нет категории ‘реальность’. Только когда мы фантазируем и переходим от установки жизни в фантазии (то есть установки квазипереживания во всех его формах) к данной действительности, и когда мы, таким образом, выходим за пределы любого случайного фантазирования и его фантазии, принимая и то и другое за образцы возможного фантазирования как такового и вымысла как такового, мы получаем, с одной стороны, понятие вымысла (соответственно, фантазирования) и, с другой стороны, понятия ‘возможный опыт как таковой’ и ‘реальность’... Мы не можем сказать, что тот, кто фантазирует и живет в мире фантазий (‘мечтатель’), принимает вымыслы как вымыслы, но он имеет видоизмененную действительность, ‘действительность как если бы’... Только он, живущий опытом и уходящий от него в мир фантазий, может, при условии, что фантазия отличается от опыта, обладать понятиями вымысла и реальности“». ³⁷

Итак, вместо неокантианской формулы «мир бытия – мир смыслов – мир ценностей» мы получаем два различия: «существующее / несуществующее» и «реальное / нереальное». В мире воображения мы наделяем реальностью то, что не существует. Этот тезис не отменяет существование мельниц. Он лишь разводит два этих различия, делает их независимыми друг от друга. Есть только один мир, где Существующее и Реальное совпадают – мир повседневности (та самая джеймсовская «верховная реальность», которую Шюц называет миром естественной установки или миром рабочих операций). Во всех остальных мирах – галлюцинаций, литературы, научной теории – реальным становится несуществующее.

Игрок в регби, как и Дон Кихот, не находится в мире «верховой реальности». Он действительно совершает некоторые «рабочие операции» – пробежки, уклонения и пасы – но они не суть его действия. Действия же он совершает в мире воображаемых (игровых) сущностей. Но разве при этом не происходит пробой диэлектрика, нарушение границы миров?

³⁶ Сервантес М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М.: Эксмо, 2005. С. 74.

³⁷ Шюц А. О множественности реальностей. С. 22.

Разве Дон Кихот не преобразует мир существующих физических объектов, сражаясь с реальными, хотя и не существующими великанами? «Ответ состоит в том, – замечает Шюц, – что Дон Кихот, действуя описанным способом, не покушается на границы мира рабочих операций. Для него – фантазера, сталкивающегося с реальностью (тогда как Уленшпигель – реалист, сталкивающийся в фантазиями), – не существует воображаемых великанов в реальности его мира рабочих операций, великаны реальны. Впоследствии он признаёт, что его интерпретация находящегося перед ним объекта была опровергнута дальнейшими событиями. Это то же самое переживание, которое возникает у всех нас при естественной установке, когда мы открываем, что нечто далекое, считавшееся нами деревом, оказывается человеком. Но Дон Кихот реагирует совсем иначе, чем реагируем мы в подобных ситуациях. Он не смиряется с „распадом своего опыта“, он не признает своих заблуждений и не соглашается с тем, что предметы, на которые он напал, всегда были мельницами и никогда – великанами. Конечно, он вынужден признать актуальную реальность мельниц, на сопротивление которой он натолкнулся, но он интерпретирует этот факт так, как если бы он не принадлежал реальному миру. Он объясняет его при помощи теории, состоящей в том, что, желая досадить ему, его заклятый враг, волшебник, должно быть в последний момент превратил не менее реальных прежде великанов в мельницы. И только теперь, придя к этому заключению, Дон Кихот определенно снимает акцент реальности с мира рабочих операций и переносит этот акцент на мир своих образов воображения».³⁸

Радикализируя шюцевский тезис, можно было бы сказать: Дон Кихот *действительно* сражался с великанами, поскольку они составляли необходимую предпосылку его *действия*. Хотя Дон Кихот и «невменяем» в веберовском смысле – ему нельзя вменить ответственность за порчу мельниц, поскольку никаких мельниц в его мире *не было*. Сам предикат «быть» в повседневном языке (но не в языке философов) куда больше связан с гуссерлевскими «предикациями реальности», чем с «предикациями существования». Теперь становится понятно то раздражение, которое испытывает теория социального действия от вторжения на ее территорию концепции множественных миров. Само действие ускользает, растворяется в своих контекстах, подмирах, «конечных областях смысла».

При этом Шюц отказывается отвечать на два очень важных вопроса:

1) В каком отношении находятся действие в мире воображения (или игры) и действие в мире повседневности? Существует ли механизм преобразования одного в другое? Для Шюца, видимо, – нет, не существует, потому что нет «формулы трансформации», перевода, контрабанды содержаний одного мира в другой. Но тогда значит ли это, что между действием Дон Кихота и действием средневекового рыцаря, бросающегося на превосходящего числом врага, нет никакой гомологии? И мы должны полностью проигнорировать их «родство»?

³⁸ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.